

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.679

Правильная ссылка на статью:

Пяткова Е. С., Савинская О. Б. Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>.

For citation:

Pyatkova E. S., Savinskaya O. B. (2020) Normative perceptions of misandry among two generations of women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>.

Е. С. Пяткова, О. Б. Савинская НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИЗАНДРИИ У ЖЕНЩИН ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИЗАНДРИИ У ЖЕНЩИН ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

ПЯТКОВА Елена Сергеевна — бакалавр факультета социальных наук, студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: espyatkova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2783-2846>

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osavinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3858-6644>

NORMATIVE PERCEPTIONS OF MISAN- DRY AMONG TWO GENERATIONS OF WOMEN

*Elena S. PYATKOVA*¹ — Bachelor (Soc.), Graduate, Faculty of Social Sciences; Master's Program 'Applied Methods of Social Analysis of Markets', Faculty of Social Sciences
E-MAIL: espyatkova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2783-2846>

*Olga B. SAVINSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: osavinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3858-6644>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена мизандрии, который характеризуется проявлением негативных установок по отношению к нормативным стандартам мужественности мужчин со стороны женщин. Формирование нового понимания женственности и мужественности, расширение нормативных границ гендерных идентичностей приводят к возникновению нового концепта мизандрии. Он фиксирует перенесение на мужчин некоторых характеристик гегемонной маскулинности, признаваемых в традиционной культуре как негативные, но нормативно допустимые, и закрепляет такие характеристики в гендерных стереотипах современного общества. Эти стереотипы становятся основанием для дискриминации и подавления мужчин, а также для переопределения представлений женщин о нормативной мужественности. В теоретической части статьи описано общее представление о феномене мизандрии и его месте в обществе, рассмотрены исследования, касающиеся сексизма в отношении мужчин и мизандристских установок.

Эмпирическая база исследования — интервью и онлайн-опрос женщин двух поколений в возрасте от 18 до 55 лет. В исследовании использована стратегия смешивания методов, которая включала последовательно качественный (сбор глубинных интервью) и количественный (онлайн-опрос) этапы. Операционализирован и детально описан феномен мизандрии, в частности, выявлены и охарактеризованы его четыре основных компонента. В рамках количественного этапа разработана шкала мизандрии, которая позволила оценить ее уровень проявления

Abstract. The article explores the phenomenon of misandry characterized by female negative settings towards normative standards of masculinity. Misandry is due to new perceptions of femininity and masculinity and the expansion of normative boundaries of gender identities. The concept implies that certain features of hegemonic masculinity, commonly perceived as negative but normatively acceptable, are attributed to men and firmly establishes these characteristics in the gender stereotypes of the modern society. These stereotypes have become discriminatory and oppressive towards men and constitute grounds for redefinition of female perceptions of normative masculinity. The theoretical framework of the study contains a general description of misandry and its place within society and presents the works highlighting sexism towards men and misandry attitudes.

Interviews and online survey conducted among women aged 18-55 representing two generations makes up the empirical basis of the study. The authors use mixed methods combining qualitative (in-depth interview) and quantitative (online survey) techniques. The misandry phenomenon is operationalized and described in detail; a particular attention is paid to its four key components. The authors developed a misandry scale which helped to assess how the phenomenon is manifested in the two generations as well as to reveal the relationships to socio-demographic characteristics.

у двух поколений и связь с социально-демографическими характеристиками.

Ключевые слова: мизандрия, гендерные стереотипы, гиноцентризм, маскулинность, сексизм, стратегии смешивания методов

Keywords: misandry, gender stereotypes, gynocentrism, masculinity, sexism, mixed methods research

Введение

Несмотря на постепенные изменения, культура современных обществ остается патриархатной¹, неся элементы традиционных культур и задавая определенные нормативные образцы женственности и мужественности [hooks, 2005]. Вместе с позитивными сторонами гендерных составляющих идентичности человека сегодняшние нормы и образцы поведения, базирующиеся на традиционных представлениях о мужественности и женственности, все больше подвергаются рефлексии и критике (см., например: [Connell, 2001, 2005], [Кон, 2008, 2009], [Kimmel, 2001]). Фокусами такой критики становятся сексуальная объективация, насилие в отношении женщин, дискриминация по признаку пола на основе традиционной гендерной нормативности социальных ролей, сексуальной ориентации и т. д. Подобные допустимые образцы поведения, прорастающие из традиционных обществ, детерминированы разными механизмами контроля и доминирования мужчин над женщинами, так же как механизмами контроля поддержания в обществе гегемонной маскулинности [hooks, 2005].

Рефлексивный анализ и критика гендеризованных норм и образцов, как в социологической полемике, так и в СМИ и социальных сетях в последние десятилетия приводят к формированию нового понимания женственности и мужественности, расширению нормативных границ гендерной идентичности обоих полов. Исходя из этого, формируется и более ясное понимание мизандрии, которая иногда называется «обратный» или «второй» сексизм² [Benatar, 2012] и определяется как социальный феномен принижения или дискриминации статуса мужчин, проявляющийся в установках женщин на противоположный пол и соответствующим им поведению. Мизандрия основана на перенесении негативных, но общественно допустимых характеристик «гегемонной мужественности» [Connell, 2005; hooks, 2005] на мужчин как социальную группу, а также на закреплении этих характеристик в реформирующихся гендерных стереотипах. Такие стереотипы начинают приобретать все более заметный характер, подавляя мужчин и переопределяя их собственные представления о мужской гендерной идентичности, как и представления женщин о нормативной маскулинности [Nathanson, Young, 2001, 2006, 2010], усиливая разобщенность во взглядах между мужчинами и женщинами и снижая их солидарность в обществе.

¹ «Патриархат — это политико-социальная система, которая утверждает, что мужчинам свойственно доминировать, демонстрируя и добиваясь своего превосходства перед всеми слабыми социальными группами, в частности перед женщинами, и наделяя себя правом доминировать и управлять слабыми, поддерживать доминирование через разные формы психологического терроризма и насилия» [hooks, 2005].

² Вслед за рядом авторов, чьи работы процитированы далее, в следующем пункте по обзору теоретических подходов мы определяем мизандрию как одно из проявлений дискриминации в отношении мужчин или (обратного) сексизма.

Появляющиеся научные дискуссии об изменяющихся установках в отношении мужчин, о нормативной маскулинности и возникающих на этой основе дискриминационных практиках в отношении мужчин рождают потребность в концептуализации мизандрии (*misandry*), ее эмпирических границ, а также в разработке методики ее измерения. Как можно определить мизандрию в современном понимании? Каким образом можно измерить на практике негативные стереотипные представления о мужчинах и нормативной мужественности? Насколько распространены эти стереотипы? Меняются ли они от поколения к поколению в контексте того, что сегодняшнее российское общество делает медленные, но поступательные шаги от традиционализма к современности? Такие исследовательские вопросы остаются неизученными в социальных науках и потому стали мотивационной основой для данного исследования.

Гендерные исследования маскулинности

Исследования мужского и маскулинности начали набирать обороты с конца 1980-х гг. [Кон, 2008]. Акцент был сделан на изучении *гегемонной маскулинности* и ее вариативности в зависимости от социального контекста, культуры общества и позиций разных групп мужчин в социальной структуре [Connell, 2001; Мещеркина, 2002], что сейчас принято относить к интерсекциональной репрезентации маскулинности [Здравомыслова, Темкина, 2018: 53, 54].

Одним из первых начал исследовать маскулинность австралийский социолог Р. В. Коннелл [Connell, 1987]. Он предложил новый структурно-конструктивистский подход к изучению гендера и гендерных отношений и ввел понятие «гендерная система» [Тартаковская, 2007]. По мнению Коннелла, чтобы построить модель гендерной системы, необходимо проследить гендерные различия в ключевых сферах общества. Так, он выделяет четыре самостоятельных и равнозначных аспекта измерения гендерных отношений: «...отношения власти; производственные отношения (разделение труда); катексис (эмоциональные отношения); символические репрезентации» [там же]. Анализируя отношения власти, Коннелл указывает, что структурную основу гендера составляет механизм установления властных отношений через конструирование гегемонной маскулинности. Вместе с тем он утверждает, что в современном мире вариативность проявления маскулинности увеличивается, и выделяет четыре модели, которые проявляются сегодня в западном обществе: *гегемонная маскулинность* (особая конфигурация гендерных практик, гарантирующая доминирующее положение мужчин в обществе и подчинение женщин); *подчинение* (представление общей структуры гендерных отношений в рамках модели подчинения и доминирования между мужчинами); *соучастие* (модель поведения мужчин, не соответствующих нормативным стандартам гегемонной маскулинности); *маргинализация* (модели взаимодействия гендера с другими структурными единицами, как класс и раса) [Connell, 2005].

М. Киммел, описывая гендерное общество, дает объяснение тому, как конструируется мужественность у американцев. Он считает, что основной чертой американской мужественности является боязнь других мужчин, то есть гомофобия. Данное явление заключается не в боязни гомосексуалистов, а в страхе потерять мужественность в глазах других мужчин, быть осмеянным или униженным отно-

сительно своего поведения. Попытки сохранения мужественности могут привести к насилию над женщинами [Kimmel, 2001: 266—287]. В противоположность этому исследованию Д. Гилмор не прибегает к использованию понятия «гегемонная маскулинность», однако в исследовании задается вопросом: «В самом ли деле всюду мужчины похожи в своей озабоченности тем, чтобы быть мужчинами?» [Гилмор, 2005]. Для ответа на этот вопрос он анализирует культурные конструкты и стереотипы развивающихся обществ и обнаруживает, что для большинства таких народов основными характеристиками мужественности являются не столько стремление к мужским достижениям и самоутверждение, сколько защита семьи, щедрость и жертвенность. Его исследования подтверждают гипотезу о том, что маскулинность выступает социальным конструктом, существенно различающимся в разных культурах.

Представления о маскулинной нормативности неодинаковы и в разных социальных стратах. Е. Ю. Мещеркина выявила различия в репрезентации и восприятии мужественности у среднего и рабочего классов [Мещеркина, 2002: 268—287]. Так, представители среднего класса основным предназначением мужчины видят заботу о семье и своих близких, принятие ответственности за них. Представители же рабочего класса, наоборот, больше склонны к рассуждениям о мужественности в индивидуальном ключе. Мужским предназначением они видят нахождение способа выживания в трудных социальных ситуациях. Им более свойственны сексистские установки: маскулинная уверенность у представителей рабочего класса выражена в большей степени. Позднее, соединяя измерения класса и поколения, А. В. Ваньке и И. Н. Тартаковская сравнили представления о маскулинности в нарративах рабочих трех исторических периодов: позднесоветского, перестроечного и современного. Изучая конкурирующую гегемонную маскулинность предпринимателя, они переосмысливают значимость труда у рабочих, ее обсуждение в публичной и приватной сферах [Ваньке, Тартаковская, 2016]. С. Ушакин также затрагивает тему восприятия мужчины в современном обществе и развивает свою концепцию «видимости мужественности», которая основывается на двух аспектах мужской идентичности: мужественность как инсценированное явление, которое предполагает наличие некоторого зрителя; мужественность как символ или даже иллюзия [Ушакин, 2002: 479—503].

Представления о гендерных ролях меняются с течением времени. Так, существуют исследования, дебатирующие сдвиг гендерных ролей и повышение независимости женщин за последние 50 лет, порождение новых стратификационных рамок, а вместе с этим — новых общественных логик установления и оправдания социального порядка. Появляются новые образы мужественности, например образ метросексуала, который вынужден постоянно следить за своей внешностью, принимая новые стандарты «настоящего» мужчины, транслируемого СМИ, в частности мужскими журналами [там же].

Мужчина всегда находился в иерархических и соревновательных отношениях с другими мужчинами, однако сегодня ему приходится не в меньшей степени конкурировать и с женщинами. В образовании, политике, на рабочих местах и даже в семейно-брачных отношениях женщины все больше обретают равные права с мужчинами, вместе с этим происходит расширение нормативных рамок и цен-

ностей, у женщин появляется открытая агрессия в отношении мужчин [Кон, 2009]. Главенствующая роль мужчины начинает подвергаться сомнению. В связи с этим мужчины все больше чувствуют себя ущемленными из-за повышения конкуренции за лучшие рабочие места и возникающей социальной нормы участия в домашних делах [Зальцман, Мататиа, О'Райли, 2008]. Угнетение мужчин проявляется не только в осмыслении и проблематизации их главенствующих позиций в обществе, но и в культурных аспектах маскулинных образов. Мужчины представляются в негативном свете, с ними связывают агрессию, домогательства, преступления, принижают их социальную роль относительно их функций, как на работе, так и в семье. Эти процессы приводят к появлению такого относительно нового феномена, как мизандрия, основанного на переоценке вполне традиционных характеристик мужественности.

Теоретические и эмпирические исследования мизандрии

Довольно часто можно услышать о существовании сексизма в отношении женщин, однако появляется и альтернативное мнение: сегодня сексистские установки формируются и в отношении мужчин, что обозначается понятием мизандрии. Так, Д. Бенатар утверждает, что мужчины на сегодняшний день испытывают серьезную половую дискриминацию, и это постепенно становится проблемой современного общества [Benatar, 2012]. По мнению Бенатара, мужчины подвергаются насилию, как со стороны мужчин в ходе преступлений или в сексуальной сфере, так и со стороны женщин в результате домашнего насилия; в то же время, такое насилие рассматривается не настолько категорично, как если бы оно было совершено над женщинами. Отцы традиционно воспринимаются в качестве источника материального обеспечения детей, нежели исполнителей отцовской функции воспитания. В итоге по сравнению с матерями отцы реже могут получить право на опеку над своими детьми при разводе. Эти факты говорят о существовании дискриминации в отношении мужского пола, которая чаще всего проявляется имплицитно и не воспринимается в обществе как проблема.

Одними из первых начали изучать феномен мизандрии П. Натансон и К. К. Янг [Nathanson, Young, 2001, 2006, 2010]. Они концептуализируют использование понятия мизандрия как «коллективно и культурно распространенное мировоззрение, а не личную эмоцию, такую как неприязнь или гнев» [Nathanson, Young, 2006: 10]. Эти ученые говорят о мизандрии, или «обратном» сексизме, как о феномене, который довольно быстро распространяется в современной культуре, принимая статус «мейнстрима». Согласно этим авторам, ранее не существовало ни одного систематического исследования мизандрии, поэтому основной целью их исследования было собрать доказательства и продемонстрировать распространенность мизандрии в современной культуре, которая стала восприниматься как само собой разумеющийся, не привлекающий к себе внимание феномен.

Во второй части своей трилогии названные авторы рассматривают проявление данного феномена в правовой сфере [Nathanson, Young, 2006]. По их мнению, современное общество после появления феминистских дебатов в большей степени готово обсуждать специфические потребности и проблемы женщин, поэтому оно постепенно становится гиноцентричным, в то время как особые мужские

потребности, находящиеся вне представлений о гегемонной маскулинности, все еще обсуждаются мало.

Натансон и Янг [Nathanson, Young, 2010] также говорят о том, что основным источником возникновения мизандрии является одна из форм феминизма — «идеологический феминизм», которая оказала большое влияние непосредственно на современную культуру. Они выделяют восемь признаков данной формы феминизма: 1) эссенциализм (акцентирование внимания на уникальных качествах женщин); 2) иерархия (утверждение превосходства женщин над мужчинами); 3) коллективизм (преуменьшение прав отдельных мужчин по сравнению с целями женщин); 4) утопизм (стремление к установке идеального социального порядка в истории); 5) селективный цинизм (присвоение вины и направление подозрений на мужчин); 6) революционизм (принятие новых политических программ); 7) консеквенциализм (разработка убеждений, которые «оправдывают средства»); 8) квазирелигиозность (создание основ светской религии) [Nathanson, Young, 2010]. Подытоживая, авторы утверждают, что мизандрия и мизогиния, как укорененные феномены в обществе, являются серьезными проблемами, которые необходимо искоренять, так как они «подрывают человеческую солидарность морально, социально и политически» [ibidem].

Развивая работы этих авторов, признаки проявления мизандрии описывает Дж. Спритцлер:

- когда речь идет об изнасиловании, мужчина всегда ассоциируется с преступником, а женщина — с жертвой;
- домашнее насилие также отождествляется с моделью «мужчина — насильник, женщина — жертва»;
- разрыв в размерах заработной платы мужчин и женщин порождает конфликт между представителями обоих полов;
- происходит трансформация восприятия роли отца как эмоционального субъекта, участвующего в роли воспитателя детей, однако нормативное представление закрепляет образ отца как источника материального дохода [Spritzler, 2013].

П. Малми [Malmi, 2009], выявляя формы дискриминации в отношении мужчин в Финляндии, разработал серию связанных миметических высказываний, которые отражают стереотипы в отношении мужчин — мизогинистские или же мизандристские. Они основаны на феминистских теориях и эмпирических наблюдениях (табл. 1). Эти нормативные суждения могут стать основой для изучения мизандрии как нормативных представлений, детерминирующих дискриминационное отношение к мужчинам.

Развивая концептуальные разработки понимания феномена мизандрии как культурного явления и как совокупности нормативных представлений, предопределяющих дискриминационное отношение к мужчинам, мы считаем важным сделать следующий шаг и изучить мизандрию эмпирически, сформировав специальную шкалу «мизандристских установок» среди женщин³.

³ Согласно уже имеющемуся международному опыту изучения мизогинии [Захарова, Савинская, 2017] — феномена, противоположного мизандрии, исследуется установка в отношении противоположного пола. Если изучается установка в отношении своего же пола, то этот феномен называется «внутренняя мизогиния» или же «внутренняя мизандрия». Именно поэтому в рамках эмпирического исследования были опрошены только женщины.

Таблица 1. Меметический дрейфт от мизогинии к мизандрии в сексистских стереотипах о мужчинах и женщинах*

Мизогинистские стереотипы о мужчинах	Нейтральные стереотипы	Мизандристские стереотипы о мужчинах
Мужчины умственно и физически сильнее женщин	Мужчины сильнее женщин	Мужчины в большей степени представляют угрозу для женщин, отсутствие самодисциплины у мужчин показывает, что женщины более умны
Мужчины более рациональны, духовны и менее движимы своей природой и плотью, чем женщины (которые склонны к неверности)	Мужчины имеют равные с женщинами или более сильные сексуальные наклонности, чем у женщин	Мужчины — это гиперсексуальный, или «сексуальный сумасшедший» пол, что делает их склонными к аморальному поведению, например, к сексуальной неверности и изнасилованиям (хотя это не относится к джентльменам)
Мужчины имеют более высокую самодисциплину и более моральны, чем женщины	Мораль и самодисциплина не являются вопросами пола	Женщины имеют более высокую самодисциплину и более моральны, чем обычные мужчины
Мужчины лучше принимают быстрые решения	Мужчины более напористы	Мужчины в среднем агрессивны и жестоки (но это не относится к джентльменам)
Они более рациональны	Мужчины больше ориентированы на цели и инструментальны	Мужчины расчетливы, бесстрастны и незмоциональны
Они не такие истеричные и нестабильные, как женщины	Мужчины не могут заплакать так же легко, как женщины	Мужчины эмоционально отстранены
Мужчины более сосредоточенные и определенные	Мужчины концентрируются только на одной вещи в один момент	Мужчины не могут сосредоточиться на нескольких вещах одновременно, подобно женщинам

* Адаптировано по: [Malmi, 2009].

Дизайн исследования

Для достижения поставленной цели была выбрана стратегия смешивания методов [Савинская и др., 2016], которая последовательно включает качественный (полуструктурированные интервью) и количественный (онлайн-опрос) этапы [Morgan, 2014]. На основе анализа качественных данных выдвинуты гипотезы и разработан инструментарий для проведения количественного онлайн-опроса. Эмпирическим объектом исследования были выбраны женщины двух поколений. Исследование проводилось в 2018 г., поэтому стоит учитывать, что на тот момент возрастные группы имели следующие характеристики: поколение X (1963—1984 годов рождения) в возрасте от 34 до 55 лет и поколение Y (1984—2000 годов рождения) в возрасте от 18 до 33 лет⁴. Выбор двух поколений обусловлен предположением о том, что молодые люди в большей степени восприимчивы и подвержены влиянию новшеств, в то время как старшее поколение более консервативно в своих взглядах [Радаев, 2018].

⁴ Дергунов Т. Теория поколений // Социальная психология. 2014. URL: <http://psixologiya.org/socialnaya/menedzhmenta/2155.html> (дата обращения: 07.02.2018).

На качественном этапе было взято восемь полуструктурированных интервью (четыре — с женщинами поколения Y и 4 — поколения X). Поиск информанток осуществлялся через сообщества в социальных сетях, посвященных семейным вопросам и досугу. Выборка на количественном этапе была квотной: в равных долях были представлены женщины поколений X и Y, состоящие в разных группах социальных сетей («ВКонтакте» и Facebook). При отборе социальных групп для размещения онлайн-опроса одним из важных критериев были их максимальная тематическая разнородность и отсутствие феминистской направленности для минимизации рисков возникновения возможных смещений полученных данных. В связи с этим информация об опросе размещалась в сообществах развлекательных, материнских и обсуждающих жилищные проблемы. Для идентификации респонденток по географическому признаку в онлайн-анкете использовался вопрос-фильтр, который позволил отобрать только жительниц города Москвы и Московской области. Для расчета объема выборки применялась формула Рукавишников [Рукавишников, Паниотто, Чурилов, 1984]. Объем выборки составил 278 человек, среди которых 56% составляют женщины поколения Y и 44% — поколения X.

Качественный этап

На основе описанной выше теоретической рамки мы исходили из четырех главных категорий мизандрии как мужененавистнической установки. Это ролевая дифференциация в частной и публичной сферах, восприятие мужчин как агрессивной социальной группы, селективный цинизм или принижение мужских черт характера, гиноцентризм (приоритизация женщин и их качеств). Применяя осевое кодирование, мы систематизировали те смыслы, которые встретились в интервью, и описали каждую из категорий.

Ролевая дифференциация в частной и публичной сферах

Одним из основных показателей наличия или отсутствия мизандрических установок женщин является представление о распределении ролей и признание иерархии мужчин и женщин дома и на работе.

Так, отношение к мужской роли в семье можно разделить на две противоположные группы:

1) *«мужчина должен быть главой семьи»*. Данная модель подразумевает «мягкий» патриархатный союз, где мужчина оказывает эмоциональную и финансовую поддержку женщине, зарабатывая больше и принося в семью основной доход, но не принимает единолично все решения в семье. Роль женщины в данном случае признается второстепенной: *«Рулит потихонечку. Но это не нужно знать мужчине»* либо *«Жена должна создавать уют»*. За счет выполнения женщиной домашних функций создается баланс во взаимоотношениях в семье;

2) должно быть *«равноправие в отношениях»*. Согласно этой модели женщины отрицают возможность главенствующей функции мужчины в семье, которая может принижать роль женщины, ее права и свободы. Необходимо мнения обоих супругов учитывать равнозначно, а решения обсуждать и принимать совместно.

Несмотря на различие мнений относительно распределения ролей, в обоих случаях прослеживается приоритизация финансовой функции мужчины: *«Вот*

я, да, живу в такой системе координат, когда мужчина — это все-таки добытчик. Он должен зарабатывать и приносить все в семью, в дом, как бы такой общинный строй (смех)» (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит).

Кроме этих двух типичных представлений о ролевом распределении, появляются и новые представления, которые, как отмечается информантами, уже присущи современному гендерному порядку в обществе. Прежде всего это смещение иерархии в сторону усиления позиции женщины и ослабление значимости роли мужчины в семье и супружеских отношениях. Это влияет на взаимоотношения внутри семьи. Информантки отмечают появление и постепенное распространение модели отношений «сильная женщина — слабый мужчина», где основные решения принимаются и действия реализуются исключительно женщиной. Появляются практики реализации нового гендерного распределения ролей в семье, где «кормильцем», приносящим доход, выступает женщина. Смена супружеских ролей, тем не менее, может не приводить к исчезновению дискриминации в их отношениях: «В моей семье мама — глава семьи, папа слушает маму, что мама скажет, то папа и делает. Мама часто унижает отца, и я считаю, что это не очень правильно» (И. 2, 20 лет, не замужем, в отношениях не состоит). Такая же тенденция усиления женских позиций происходит, по мнению информанток, в публичной сфере, однако при этом остается главное условие гендерного неравенства — дискриминация слабого, доминирование сильного в парных отношениях.

Приоритетная позиция мужчины на рабочем месте воспринимается как дискриминация в отношении женщин и становится одной из причин формирования негативных установок в отношении мужчин. Гендерная сегрегация в сфере труда происходит за счет выделения «мужских» и «женских» качеств, при этом мужчины наделяются негативными качествами. Если женщины характеризуются информантками как «дисциплинированные», «ответственные», «более усидчивые», «самостоятельные», «более внимательные», то мужчины — как «неорганизованные», те, кто «много забывает», «много упускает», «занимается какой-то фигней» и т. д.

Таким образом, рассуждая об идеальном и фактическом распределении мужских и женских ролей, можно проследить тенденцию к усилению негативного отношения к доминированию мужчин в трудовых и семейных отношениях и к замене на доминирование женщин.

Восприятие мужчин как агрессивной социальной группы

На сегодняшний день мужчины напрямую ассоциируются с виновной стороной, когда речь заходит о преступлениях, в частности о домашнем насилии и изнасилованиях. В ходе интервью информантки часто употребляли слова «агрессия», «ярость», «жесткие», «агрессивные», «наглые», что подтверждает подсознательное восприятие мужчин как субъекта потенциальной агрессии. Тем не менее, респондентки не всегда соглашались с тем, что они чувствуют потенциальную опасность от мужчин. Отвечавшие на вопрос о том, что бы они чувствовали, оказавшись вечером в темном переулке с незнакомым мужчиной или незнакомой женщиной, женщину ни в одном из случаев не ассоциировали с опасностью, в то время как мужчина, наоборот, вызывал только негативные ассоциации: «Когда я поздно вечером еду куда-то одна, и мне некомфортно, есть чувство страха, что неизвест-

но, что у него в голове» (И. 3, 21 год, не замужем, состоит в отношениях). Такое негативное восприятие влияет на выбор места, способа и времени передвижения женщин, меняя их распорядок дня и приемы взаимодействия с социальным окружением в разное время суток. Посредством этого формируются новые социальные практики «защиты от мужчин», в то время как практик «защиты от женщин», а также негативного их восприятия в этом отношении в ответах информанток не отмечалось: «Я, во-первых, стараюсь часто по ночам никуда одна не выходить, во-вторых, всегда держу все под контролем, я всегда смотрю, не идет ли кто-то сзади меня. Обязательно слежу, чтобы за мной в подъезд никто не заходил, и в округе не идет ли кто-нибудь» (И. 8, 35 лет, не замужем, состоит в отношениях).

По мнению информанток, проявления агрессии со стороны мужчин связаны с социальным статусом последних, успешностью реализации себя в обществе, а также с воспитанием и нормами поведения, устоявшимися в отношении мужчин. Недоверие к мужчинам как к социальной группе проявляется не только в связи с преступлениями и насилием по отношению к женщинам, но и при обсуждении сексуальной измены как культурного феномена: «Мужчины склонны к изменам, не потому что им надоедает своя женщина, а потому что они по натуре самцы, этого не выбить...» (И. 1, 21 год, не замужем, в отношениях не состоит). Мужчины характеризуются как «охотники», «ловеласы», «самцы». Информантки объясняют распространенность мужских измен не социальными причинами, а «животными инстинктами», присущими мужчинам биологически. Тем не менее, женщины также могут являться причиной сексуальной неверности мужчин: «Почему я не доверяю, что человек не будет мне изменять? Потому, что я не верю, что я такая офигенная и классная и что от меня никто не уйдет» (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). Проявления неверности со стороны мужчин способствуют снижению женской самооценки, поиску недостатков в себе, заставляют женщин винить себя, что также может повлиять на формирование негативных установок по отношению и к себе, и к мужчинам как социальной группе.

Таким образом, мужчины подсознательно воспринимаются как потенциально опасная и агрессивная социальная группа, посредством этого формируются повседневные практики «защиты от мужчин», растет тенденция к общему недоверию к мужчинам, как из-за потенциально возможного нанесения физического вреда, так и в силу сексуальной неверности и психологического дискомфорта.

Селективный цинизм или принижение мужских черт характера

Анализ интервью показал, что появляется тенденция к формированию собирательного негативного образа мужского характера, что также становится основой для принижения мужчин. Это подтверждают такие высказанные в интервью характеристики в адрес мужчин, как «становятся трусливыми», «очень слабые», «боятся потерять свою зону комфорта», «ничего не могут», «ни рыба ни мясо» и т. д. Информантки сравнивают то, что «было раньше», и то, что происходит в настоящее время. Функция мужчины сводится к поддержанию социального статуса женщины: «Все время мужчин уважали. Идет пара, и женщина по-любому смотрит на своего мужчину. А что сейчас? Идет женщина, а рядом с ней — приложение. Как я часто слышу фразу среди своих знакомых, что он просто осеменитель, и все.

А что от него? Что он есть, что его нет» (И. 1, 21 год, не замужем, в отношениях не состоит).

Наиболее ярко негативное отношение к современным мужчинам прослеживается в представлении о современных среднестатистических мужчинах и «идеальных/настоящих» мужчинах. Как правило, первые характеризуются пассивностью в бытовых делах, отсутствием интереса во взаимодействии с семьей, однако отличаются самовлюбленностью и «излишней» уверенностью в своей правоте, желанием навязать свою точку зрения в разговоре, что уже осознается как негативная черта характера. Вместе с тем среднестатистические мужчины характеризуются как мягкотелые, трусливые, безответственные. Данные характеристики довольно сильно отличаются от представлений женщин об идеальном мужчине, который выглядит в их глазах «успешным», «надежным», «воспитанным», «серьезно настроенным».

Одни информантки придерживаются мнения, что настоящие мужчины еще существуют. Другие же говорят о том, что их почти не осталось: *«Да, таких мужчин стало мало. Я уже не говорю о том, чтобы совершать какие-то безумные поступки в хорошем плане, радовать женщину. Да, их стало мало, к сожалению»* (И. 6, 42 года, замужем).

Описанные характеристики, присущие среднестатистическому мужчине, имеют явный негативный окрас, принижающий типично мужские черты характера и подавляющий мужскую социальную активность. Эти высказывания отражают еще один аспект мизандрии — селективный цинизм.

Гиноцентризм

Одной из основных предпосылок возникновения феномена мизандрии выделяют возникновение гиноцентристских установок в обществе, или приоритизации женщин и их качеств по отношению к мужчинам. Так, исходя из анализа предыдущих выделенных компонентов мизандрии, можно отметить появляющуюся тенденцию принижения мужчин и мужских качеств за счет приоритизации женских. О женщине говорят как о «сильной», «независимой», «самостоятельной». По мнению информанток, она «не нуждается в мужчинах» и «умеет приспособиться к жизни».

Современная женщина является более «организованной» в повседневных делах, что особенно прослеживается в сравнении с мужчиной: *«Особенно современные девушки, которым и в зал нужно ходить, и правильно питаться, реснички, ноготочки — вот это все нужно уместить вместе с учебой, работой, мужиком своим, с подругами и вообще со всем. Вот они как-то находят на все время. А парни: „Работа, больше я ничего не успеваю, не поем сегодня вообще“»* (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). *«Женщины делают на работе намного больше, успевают намного больше»* (И. 4, 22 года, не замужем, в отношениях не состоит). Женщина, по мнению информанток, продолжает играть в своем доме роль «хозяйки» и «хранительницы очага». Однако образы и статус этой роли меняются: информантки отмечают, что «женщина — главная», «жена решает», она «более умная», «хитрая» и «мудрая», чем мужчина. Вместе с тем, такие эпитеты, как «добрая», «нежная», «милая», «совестливая», оказываются не менее ценными. На работе,

в отношениях с друзьями, в семье женщина является сильной, организованной, самостоятельной по сравнению с противоположным полом, что предопределяет усиление гиноцентристских установок как части мизандрии.

Количественный этап

Поскольку мизандрия — это сложный феномен, который укоренен в разных практиках повседневности и, к тому же, обсуждается как сензитивная тема для обыденного разговора, была разработана сумматорная шкала нормативных представлений о мужчинах на основе четырех компонентов, описанных выше (см. приложение 1).

1. *Ролевая дифференциация.* Показатель отражает склонность воспринимать позиции женщин и мужчин в частной и публичной сферах только как иерархические.
2. *Восприятие мужчины как агрессора.* Показатель отражает негативное восприятие мужчин как объект неизбежной потенциальной агрессии.
3. *Селективный цинизм или принижение мужских черт характера.* Показатель отражает склонность принижать мужчин как социальную группу за счет их качеств, присущих группе в целом.
4. *Гиноцентризм.* Показатель отражает склонность респондента к приоритизации женщин и их качеств по сравнению с мужскими.

Для каждого компонента было разработано от 8 до 11 суждений. Для определения уровня надежности разработанной шкалы мизандрии был рассчитан коэффициент α Кронбаха, значение которого для всех составленных суждений составляет 0,910. Это означает высокую корреляцию между суждениями и высокий уровень надежности полученной модели.

Для того чтобы выявить и оценить уровень мизандрии у женщин двух поколений, проживающих в Москве и Московской области, был использован метод Visual Bining, который позволяет создавать группы/категории из непрерывной переменной. Так, сумматорная переменная мизандрии (сумма значений по всей шкале) была поделена на 4 уровня относительно среднего значения (151,4) и плюс/минус его стандартного отклонения (28,7), которая позволила предположить, что среди женщин двух поколений преобладает средний уровень (значения от 152 до 180) проявления мизандрии.

Были также проанализированы средние значения и статистики по основным компонентам переменной.

Таблица 2. *Статистики по компонентам мизандрии*

Показатель	Гиноцентризм	Агрессия	Ролевая дифференциация	Селективный цинизм
Среднее	33,4	45	33,5	39,5
Медиана	34	45,5	34	40
Мода	32	51	37	39
Стд. отклонение	8,7	11,6	6,5	9,6

Показатель		Гиноцентризм	Агрессия	Роловая дифференциация	Селективный цинизм
Сумма		9275	12513	9317	10986
Квартили	25	28	37	29	33
	50	34	45	34	40
	75	40	52	38	47

Чтобы посмотреть, существуют ли значимые различия в уровне проявления мизандрии среди женщин поколений X и Y, был проведен дисперсионный анализ (t -критерий для двух независимых выборок). Его результаты показали, что уровень мизандрии у женщин поколения X, равный 156, выше, чем у женщин поколения Y, равный 148 ($p = 0.05$). Первоначальная гипотеза о том, что мизандрия в большей степени свойственна женщинам младшего поколения, не подтвердилась.

Далее был проведен анализ на выявление взаимосвязи между уровнем мизандрии и различными социально-демографическими характеристиками посредством корреляционного и однофакторного дисперсионного анализа, а также с помощью t -критерия для двух независимых выборок. Было выявлено, что среди женщин с детьми уровень мизандрических установок (равный 156) выше, чем у женщин без детей (равный 147; $p = 0.05$).

Таким образом, прослеживается статистически значимая взаимосвязь с проявлением мизандрии у женщин старшего поколения и у женщин, которые имеют детей. Скорее всего, речь идет об одной и той же группе опрошенных: чем старше женщина, тем больше вероятность наличия ребенка. Что касается семейного положения, распределения ролей в отношениях, образования, материального положения, характера сожителства, полноты родительской семьи, то в данном случае статистически значимого влияния на данные переменные выявлено не было.

На основании исследования этой пилотной выборки можно предположить, что мизандрия выступает культурно укорененным в обществе феноменом. Мы видим две логики интерпретации проявления более выраженных мизандрических установок среди женщин поколения X: с одной стороны, это действительно могут быть поколенческие сдвиги в установках женщин, с другой стороны, это может быть связано с жизненным циклом. Так, с возрастом и накоплением опыта исполнения гендерных ролей в семье проявление мизандрии у женщин усиливается. Возможно, для более обоснованного ответа на этот вопрос необходимо дальнейшее изучение феномена мизандрии в лонгитюдных исследованиях.

Дискуссия и заключение

Исследование мизандрии, как и исследование мизогинии, представляется новой для российской социологии, но вместе с тем очень важной темой. Эти две стороны гендерной дискриминации связаны с формированием гендерной солидарности — согласованности в принятии мужчинами и женщинами изменяющихся гендерных норм и ценностей, признания и уважения гендерных различий, изменяющихся гендерных ролей. Снижение гендерной солидарности может привести к излишней напряженности в обществе, поэтому публичная дискуссия о фено-

менах мизандрии и мизогинии, о предотвращении двунаправленной гендерной дискриминации и принижения очень важна для устойчивой трансформации современных обществ.

На качественном этапе нашего исследования было показано, что мизандрия как мужененавистническая установка вслед за мизогинией является второй стороной гендерных дискриминационных установок и практик, формирующих гендерное неравенство. Интервью, сфокусированные на обсуждении выявленных ранее сторон мизандрии [Malmi, 2009], показали существование этого феномена в российском обществе и подтвердили имеющуюся в общественном мнении предрасположенность к негативизации образа современных мужчин и приоритизации женских качеств по отношению к мужчинам разных возрастов, семейного положения и социальных статусов. Современный среднестатистический российский мужчина, с точки зрения таких информанток, характеризуется пассивностью в бытовых делах, отсутствием интереса во взаимодействии с семьей, но при этом отличается «излишней» уверенностью в своей мужественности и самовлюбленностью.

С методической точки зрения качественный этап дал возможность сформулировать основные эмпирические индикаторы для четырех составляющих феномена мизандрии: гиноцентризм, ролевая дифференциация, восприятие мужчин как потенциально агрессивной социальной группы и селективный цинизм. Было показано, что эти четыре аспекта присутствуют в российском общественном сознании так же, как в других европейских обществах.

На втором этапе исследования была разработана шкала мизандрии, которая показала высокий уровень надежности (на основании расчета коэффициента α Кронбаха). В ходе анализа количественной базы данных было выявлено, что негативные установки по отношению к мужчинам в большей степени проявляются у женщин старшего поколения, а также у женщин, имеющих детей, что, скорее всего, взаимосвязано.

Настоящее исследование было поисковым и опиралось на небольшие выборки, поэтому представляется целесообразным проведение дальнейших исследований с доработкой наполненности высказываний каждого компонента шкалы мизандрии, а также проведение более масштабного исследования с возможностью переноса результатов на генеральную совокупность.

Список литературы (References)

Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136—153.

Vanke A. V., Tartakovskaya I. N. (2016) Transformations of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 4. P. 136—153. (In Russ.)

Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / пер. с англ. А. А. Казанкова. М. : РОССПЭН, 2005.

Gilmore D. (2005) Formation of Masculinity: Cultural Concepts of Masculinity. Ttransl. from Engl. Kazankov A. A. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. М. : ИД «Коммерсантъ», 2008.

Salzman M., Matathia A., O'Reilly A. (2008) A New Man: Marketing through the Eyes of Women. Moscow: Kommersant. (In Russ.)

Захарова Е. К., Савинская О. Б. Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения Миллениум // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 63—81.

Zakharova E. K., Savinskaya O. B. (2017) Mixed Methods Research of Internalized Misogyny among the Millennial Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 63—81. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is «Masculinity»? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (In Russ.)

Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. и под ред. О. Оберемко, И. Тартаковской. М. : РОССПЭН, 2006.

Kimmel M. (2006) Gender Society. Transl. from Engl. Oberemko O., Tartakovskaya I. (eds.). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.

Kon I. (2008) Hegemonic Masculinity as a Factor of Male (Non-)Health. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No. 4. P. 5—16. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009.

Kon I. S. (2009) Man in a Changing World. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Мещеркина Е. «Бытие мужского сознания»: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 268—287.

Meshcherkina E. (2002) «Being Masculine Consciousness»: the Experience of Reconstruction of Masculine Identity Middle and Working Class. In: Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness: Collected Papers*. Moscow: New Literary Observer. P. 268—287. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/s0132162518030029>.

Radaev V. V. (2018) Millennials against Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/s0132162518030029>. (In Russ.)

Рукавишников В. О., Паниотто В. И., Чурилов Н. Н. Опросы населения: метод. опыт. М. : Финансы и статистика, 1984.

Rukavishnikov V. O., Paniotto V. I., Churilov N. N. (1984) Population Surveys: Method. Practice. Moscow: Finansy i Statistika. (In Russ.)

Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21—29.

Savinskaya O. B., Istomina A. G., Larkina T. Yu., Kruglova K. D. (2016) Conceptual Ideas of Mixed Methods Research: Stages of Development and Current Debates. *Sociological Studies*. No. 8. P. 21—29. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннела // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5—23.

Tartakovskaya I. N. (2007) Gender Theory as the Theory of Practices: Robert Connell's Approach. *Sociological Journal*. No. 2. P. 5—23. (In Russ.)

Ушакин С. Видимость мужественности // О муже(Н)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 479—503.

Oushakine S. (2002) Appearance of Masculinity. In: Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness: Collected Papers*. Moscow: New Literary Observer. P. 479—503. (In Russ.)

Фридан Б. Загадка женственности / пер. с англ. ; вступ. ст. А. Ворониной. М. : Прогресс-Литера, 1994.

Friedan B. (1994) *The Feminine Mystique*. Transl. from Engl.; Introduct. art. by Voronina A. Moscow: Progress-Litera. (In Russ.)

Benatar D. (2012) *The Second Sexism: Discrimination against Men and Boys*. New York: John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118192337>.

Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.

Connell R. W. (2005) *Masculinities*. Cambridge; Oxford: Polity Press.

Connell R. W. (2001) The Social Organization of Masculinity. In: Whitehead S. M., Barrett F. J. (eds.) *The Masculinities Reader*. Cambridge: Polity Press. P. 30—50.

hooks b. (2005) *The Will to Change: Men, Masculinity and Love*. New York: Washington Square Press.

Kimmel M. (2001) Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity. In: Whitehead S. M., Barrett F. J. (eds.) *The Masculinities Reader*. Cambridge: Polity Press. P. 266—287. <https://doi.org/10.4135/9781452243627.n7>.

Malmi P. (2009) *Discrimination against Men: Appearance and Causes in the Context of a Modern Welfare State*. Rovaniemi: University of Lapland.

Morgan D. L. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: a Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, California: Sage.

Nathanson P., Young K. K. (2006) *Legalizing Misandry: from Public Shame to Systemic Discrimination against Men*. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press-MQUP. https://doi.org/10.1111/j.1744-1617.2007.177_1.x.

Nathanson P., Young K. K. (2010) *Sanctifying Misandry: Goddess Ideology and the Fall of Man*. Montreal: McGill-Queen's Press-MQUP.

Nathanson P., Young K. K. (2001) *Spreading Misandry: the Teaching of Contempt for Men in Popular Culture*. Montreal: Chesham by McGill-Queen's Press — MQUP.

Spritzler J. (2013) *Misandry: an Obstacle to Solidarity between Men and Women*. [Electronic Resource.] URL: <http://www.newdemocracyworld.org/culture/misandry.html> (accessed: 3.12.2017).

Приложение 1

Шкала измерения мизандрии как нормативных представлений в отношении мужчин

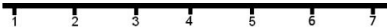
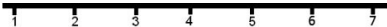
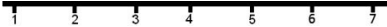
Ниже представлены несколько суждений о современных мужчинах и женщинах.

Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы с ними согласны.

(Используйте, пожалуйста, шкалу от 1 до 7, где 1 — полностью не согласна, а 7 — полностью согласна.)

Гиноцентризм	
Женщины более моральны, чем мужчины	
Женщины более умные и хитрые в отношениях, чем мужчины	
Женщины являются более организованными в повседневных делах, чем мужчины.	
Женщины могут сосредоточиться на нескольких делах одновременно, в то время как мужчины — нет	
Женщины лучше контролируют себя, чем мужчины	
Женщины более ответственные, чем мужчины	
Женщина должна в первую очередь любить себя и заботиться о себе, а потом уже о мужчине	
Женщины обычно более самостоятельные, чем мужчины	
Восприятие мужчины как агрессора	
Когда речь заходит о домашнем насилии, мужчины чаще выступают насильниками, а женщины — жертвами	
Мужчины в среднем агрессивны и жестоки (хотя это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины в большей степени представляют угрозу для женщин	
Среди преступников обычно больше мужчин, чем женщин	
Мужчины в среднем склонны к обманам и сексуальной неверности (но это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины в среднем склонны к аморальному поведению, такому как изнасилование (хотя это не относится ко всем мужчинам)	

Чаще всего мужчины вызывают недоверие	
Мужчины в большей степени способны на преступление, чем женщины	
Мужчину обычно легко вывести из себя	
Большинство мужчин грубые и эгоистичные (хотя это не относится ко всем мужчинам)	
Мужчины чаще лезут в драку, чем женщины	
Ролевая дифференциация	
Чаще всего мужчины занимают руководящие должности на работе только потому, что они мужчины	
Мужчины зачастую добиваются успеха за счет своей расчетливости и эгоистичности	
Женщины более ответственно подходят к работе, чем мужчины	
Основная функция мужчины в семье — зарабатывание денег	
После развода ребенок должен оставаться с матерью	
Говорить о том, что мужчина в семье должен быть главным, уже не актуально	
Ситуация, когда мужчина сидит дома с ребенком, а женщина работает, сегодня довольно распространена	
Довольно часто сегодня в отношениях женщина доминирует	
Селективный цинизм	
Сегодня часто встречаются пассивные и безынициативные мужчины	
В последнее время мужчины стали более инфантильными и женоподобными	
Мужчины все реже берут на себя ответственность	
Большинство мужчин самовлюбленные и самонадеянные	
Мужчина не должен уделять много времени и внимания своей внешности (делать прически, маникюр и т. д.)	

<p>Мужчины сегодня довольно редко ухаживают за женщиной (уступают место, пропускают вперед, платят в ресторане и т.п.)</p>	
<p>Настоящих мужчин сегодня почти не осталось</p>	
<p>Мужчины эмоционально отстранены</p>	
<p>Мужчины являются расчетливыми и бесстрастными</p>	